

Е. С. Соболева

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАБОТЫ МАЭ С ФОТОМАТЕРИАЛАМИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

С самого начала создания МАЭ сбор иллюстративных материалов был одним из ведущих направлений этнографического коллекционирования. Документы Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (далее — СПФ АРАН) и МАЭ свидетельствуют о том, что руководство и сотрудники музея всегда уделяли внимание внедрению в музейно-собираТЕЛЬскую работу современных технологий, включая фотографию и звукозапись. Основные достижения МАЭ в этом плане отражены в протоколах заседаний Физико-математического (далее — ФМО) и Историко-филологического (далее — ИФО) отделений Императорской Академии наук (далее — ИАН). Детали конкретной работы выявляются из скупых строк переписки с собирателями. Инструктивные письма многим из них свидетельствуют о том, что как штатные, так и внештатные сотрудники МАЭ имели разностороннюю подготовку, обладали высокой квалификацией, владели иностранными языками, следили за новейшими техническими и методическими разработками, внедряли их в практику полевых исследований и добивались этого же от лиц, желавших сотрудничать с музеем и ИАН.

В настоящей публикации будут рассмотрены основные направления и принципы работы МАЭ по приобретению и использованию иллюстративных и фотоматериалов в конце XIX — начале XX в. Последовательная и целенаправленная политика ИАН разрабатывалась в соответствии с современными достижениями музейного дела.

С МАЭ начал сотрудничать молодой художник и фотограф С.М. Дудин. Он получил богатый опыт работы в поле, выполнял самые разные виды съемки и другие задания. Он имел возможность непосредственно знакомиться

с состоянием музейного дела за рубежом. С.М. Дудина приглашали для выполнения заказов и в других музеях ИАН. Закономерно он стал руководителем первой фотолaborатории МАЭ, поощрялся государственными наградами, а после 1917 г. много лет был секретарем Совета МАЭ. «Дудинский период» определяет хронологические рамки настоящей публикации.

Сбор фотоколлекций как часть концепции МАЭ

В Записке об учреждении при Академии наук Музея антропологии и этнографии преимущественно России от 5.12.1878 академики по Физико-математическому отделению А.А. Шифнер, А. Штраух, Л. Шренк, Ф.В. Овсянников писали о необходимости собирать *по возможности более полные коллекции предметов, касающихся всех сторон жизни и быта, не исключая и обычаев, пред-рассудков, верований и т.д.* разных народов, предполагали сбор разных видов экспонатов — *частью в подлинных образцах, частью в фотографических изображениях, рисунках и моделях* (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1878. Ед. хр. 6. Л. 6). Государственный совет 12.05.1879 постановил учредить при Академии наук Музей антропологии и этнографии преимущественно России (Там же. Л. 14).

Пополнение объединенного музея велось на основе опыта полевой работы, накопленного учеными в ходе изучения народов России и зарубежных стран. 25.07.1880 начальник Главного управления Наместника Кавказского и председатель Кавказского статистического комитета из Тифлиса в письме № 2889 сообщал президенту Императорской Академии наук, что *по докладу Государю Великому Князю Наместнику отзыва Вашего Сиятельства от 7 марта за № 205 Его Высочество приказать изволил Главному Редактору Кавказского Статистического Комитета совместно с Комиссиею от Кавказского Отдела Императорского Российского Географического Общества выработать соображения о средствах и способах составления коллекции типов кавказских племен и народов для Музея Этнографии и Антропологии при Императорской Академии Наук.*

По мнению многих лиц, имеющиеся в настоящее время на Кавказе фотографии не представляют ни желательного единства размеров, ни необходимой гарантии в принадлежности изображенной особи к данной народности. Поэтому признано существенно полезным и желательным составить коллекцию эту на следующих основаниях: 1) изображать каждое неделимое в самом цветущем возрасте (мужчин в 20—21, женщин в 16—20 лет) а) en face, б) в строгом en profil и в) во весь рост, — в первых двух случаях по возможности без головного убора, поясным портретом, для антропологических, а в последнем — для этнографических соображений, и 2) величина фотографии полагается в обыкновенную пластинку стекла или четвертую долю листа обыкновенной писчей бумаги. Принимая такое же число снимков для особей женского пола, постараться для каждой из 40 народностей Кавказа по меньшей мере 6, или 240, фотографий.

Государь Великий Князь Наместник, вполне сочувствуя видам Императорской Академии Наук, изволил выразить, что расход по изготовлению фотографической коллекции в этих размерах Его Высочество изволит принять на счет сумм своего распоряжения, но предварительно составления подобной коллекции Государь Наместник поручить мне изволил обратиться к Вашему Сиятельству с покорнейшей просьбою, почтить меня уведомлением, насколько эта программа соответствует целям Академии Наук; если же будет признано со стороны Академии необходимым

расширить эту программу, то в размере каких материальных средств Академия Наук полагала бы возможным участвовать в необходимых на этот предмет расходах, независимо от тех, которые Его Высочеству угодно отнести на суммы Своего распоряжения.

Имея в виду, что как Главный Редактор Кавказского Статистического Комитета г. Зейдлиц, так и Правитель Дел Кавказского Отдела Императорского Российского Географического Общества г. Загурский, — последний с чисто научным поручением по лингвистике Кавказских народов, — отправились уже на несколько месяцев в Дагестанскую область, я имею честь покорнейше просить Ваше Сиятельство не изволит ли почтить меня извещением по телеграфу о тех изменениях, которые Вы пожелали бы сделать в этих соображениях (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1878. Ед. хр. 6. Л. 17–19 об.).

20.01.1881 ФМО ИАН от главного редактора Кавказского статистического комитета в Тифлисе Николая Карловича Зейдлица было получено из Дагестана 25 пластинок, изображения 133 голов народов, за что 3.02.1881 ему была выражена благодарность (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1878. Ед. хр. 6. Л. 23). 17.03.1881 от Н.К. Зейдлица в МАЭ переданы 120 л. кавказских типов (Там же. Л. 27).

Выдача Открытых листов для фотографирования в поле

В 1894 г. директором МАЭ стал академик Василий Васильевич Радлов (1837–1918), имевший большой опыт полевой и музейной работы. В 1884 г. он был избран ординарным академиком ИАН по части истории и древностей азиатских народов, в 1885–1890 гг. — директором Азиатского музея. В это время личный состав МАЭ состоял из директора В.В. Радлова и консерватора Федора Карловича Руссова. В первую очередь В.В. Радлов принял меры «к скорейшему составлению каталога и к снабжению предметов определенную нумерацией». Государственный совет положил в 1895 г. учредить вторую должность ученого хранителя (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 51. Л. 14–14 об.), в январе 1896 г. на эту должность был избран Дмитрий Александрович Клеменц, и Департамент полиции разрешил ему жительство в Санкт-Петербурге и Санкт-Петербургской губернии (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1896. Ед. хр. 5. Л. 3). С января 1896 г. для работы по каталогизации на работу по вольному найму в МАЭ была принята Евгения Львовна Петри (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 4. Ед. хр. 470. Л. 2). В 1897 г. в работах помогали также два любителя этнографии (скорее всего, Николай Михайлович Могиланский и Самуил Мартынович Дудин).

Штатные и привлеченные к работе при МАЭ вольнонаемные сотрудники были квалифицированными исследователями и владели разными методами фиксации информации в поле, в том числе с использованием современных технических средств. Показательно обращение директора МАЭ в ИФО о выдаче свидетельств и Открытых листов от ИАН по установленной форме следующим лицам, которые летом 1899 г. предполагали оправиться на сбор этнографических коллекций: 1) Д.А. Клеменц — в Херсонскую, Ставропольскую, Самарскую губернии; 2) Н.М. Могиланский — с 1.06 по 1.08 в Полтавскую, Черниговскую, Киевскую, Екатеринославскую губернии; 3) Е.Л. Петри — в Херсонскую, Таврическую губернии; 4) С.М. Дудин — в Акмолинскую,

Семипалатинскую, Семиреченскую губернии; 5) фотограф-любитель Михаил Антонович Круковский, исполняющий фотоработы по заказу музея, — в Олонецкую, Пермскую губернии для составления альбомов видов и типов населения с мая по сентябрь. Открытые листы подтверждали законность содействия в их занятиях, собирании и записи сведений от местных жителей, осмотре зданий и учреждений, снятии фотографических рисунков, планов, чертежей, портретов типов представителей местного населения (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 53. Л. 98–102).

Решением ИФО 26.04.1900 Открытый лист был выдан художнику А.А. Куренному для полевых работ в Вологодской, Ярославской, Нижегородской, Орловской губернии, в том числе для выполнения рисунков и фотографирования типов, сцен, видов из народной жизни (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1900. Ед. хр. 147. Л. 279), 15.05.1902 — С.М. Дудину, командированному в Среднюю Азию (Киргизию) (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1902. Ед. хр. 149. Л. 286 об.).

Открытый лист — это пропуск (*laissez passer*), выданный ведомством для командирования служащих для исполнения миссий в России и за рубежом. В 1889 г. была утверждена форма Открытых листов. Научные и другие общества могли ходатайствовать перед Императорской Археологической комиссией о получении некоего количества Открытых листов при условии предоставления научного отчета и ископаемых вещей (опись находок). Общество несло нравственную ответственность за лицо, которому испрашивало Открытый лист. Авторское право для публикации результатов охватывало период пять лет [Императорская 2009: 121]. Открытые листы от Императорской Археологической комиссии получали будущие сотрудники и корреспонденты МАЭ (В.В. Радлов, Д.А. Клеменц, С.М. Дудин, А.В. Адрианов, В.И. Анучин, В.И. Каменский, Н.В. Кириллов, И.Т. Савенков, П.П. Ефименко, А.В. Фрич, С.И. Руденко, А.А. Захаров, Н.Ф. Арепьев, Б.Э. Петри, С.М. Широкогоров и др.).

В 1906 г. бланки Открытых листов были отпечатаны специально для МАЭ. До 1907 г. МАЭ не организовывал самостоятельных экспедиций, хотя директор понимал, что это единственная рациональная форма собирательства. Во многом изменило ситуацию создание Попечительского совета МАЭ в 1909 г. На пожертвования и при поддержке попечителей удалось наладить покупку коллекций, оплату труда коллекторов и отправку экспедиций, которые получали Открытые листы от МАЭ.

25.03.1910 потомственный почетный гражданин Гавриил Амосович Крамаренко получил Открытый лист для собирания этнографической коллекции и снятия фотографий в Амурской и Охотской областях, на Камчатке, Командорских о-вах (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 56. Л. 372). 10.01.1912 Открытый лист Музея антропологии и этнографии имени Императора Петра Великого при ИАН был выдан Коляновскому Владимиру Александровичу, чиновнику для поручений Канцелярии Министерства Императорского Двора, отправляющемуся в Австралию, Новую Зеландию, о-ва Самоа, Фиджи и Сандвичевы для собирания этнографических коллекций, изучения быта местных жителей и снятия фотографий (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 63. Л. 164).

Открытый лист Николаю Степановичу Гумилеву и Николаю Леонидовичу Сверчкову, отправившимся в Абиссинию в 1913 г. по командировке МАЭ, предполагал приобретение для научных исследований среди племен Сомали,

Харрара и Галла этнографических коллекций. За сделанные фотографические снимки им по возвращении 22.01.1914 было уплачено из средств академии 400 руб. (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1914. Ед. хр. 26. Л. 9, 21).

Приобретение фотоколлекций у частных лиц

Вступив в заведывание объединенным музеем, В.В. Радлов наметил стратегию последовательного превращения МАЭ в мировой научный центр. 12.03.1894 в донесении он специально просил ИФО ИАН дать ему право пополнять Археологический отдел, просить высших представителей государственной власти на местах снабжать МАЭ коллекциями этнографических предметов, а также *войти в сношение с лицами, живущими в различных частях России, которые могли бы быть полезными при пополнении наших этнографических коллекций и в случае надобности представить Отделению имени тех лиц, которые могли бы быть официально назначены корреспондентами Музея по Этнографии и Антропологии Императорской Академии Наук с выдачей на это звание диплома* (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1894. Ед. хр. 24. Л. 3).

Стать первым корреспондентом МАЭ согласился 13.01.1898 Константин Николаевич де-Лазари, начальник уезда в г. Лепсинск Самаркандской области (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 50. Л. 81–82 об.). 23.05.1898 «постоянно работающая в музее» Е.Л. Петри письмом инструктировала К.Н. де-Лазари относительно норм пересылки материалов в МАЭ (в частности, посылки не должны были быть тяжелее 30 фунтов). МАЭ давал ему право на получение фотографического материала наземными посылками (Там же. Ед. хр. 52. Л. 49). 3.08.1898 для него были отправлены два ящика фотопринадлежностей от фирмы «Ф. Иохим и К^о» (Там же. Ед. хр. 51. Л. 44).

Вести канцелярскую переписку между музеем и коллекционерами приходилось второму хранителю МАЭ Д.А. Клеменцу (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 53. Л. 15). 8.12.1898 г. он был избран на должность старшего хранителя МАЭ (Там же. Л. 49).

29.09.1898 генеральный консул Яков Парфенович Шишмарев из Урги сообщил, что фотограф Федоров снял надписи монголов и отправил снимки в ИАН (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 51. Л. 43). 11.02.1899 Ивану Яковлевичу Яковлеву была выражена признательность за киргизские фотографии (Там же. Ед. хр. 52. Л. 72). 25.01.1900 из Ботанического музея МАЭ были получены 15 фото из коллекции адмирала Константина Николаевича Посьета (Там же. Ед. хр. 50. Л. 141). 30.03.1900 Николаю Александровичу Ермолину из г. Бийска было уплачено 25 руб. за головной убор киргизской женщины (Там же. Л. 149), а 31.03.1900 Ермолину были заказаны фотографии по этнографии Алтая (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 52. Л. 95).

9.12.1899, обсуждая условия сотрудничества с Константином Евгеньевичем Островских, самаркандским уездным врачом, Д.А. Клеменц спрашивал: *В Туркестанском крае теперь немало фотографов. Вы чрезвычайно обяжали бы Музей, если узнали, от кого можно приобрести более или менее полные коллекции типов и сцен местных жителей и по каким ценам* (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 (до 1918 г.). Ед. хр. 52. Л. 86).

Когда 9.01.1902 Д.А. Клеменц занял должность заведующего Этнографическим отделом Русского музея Александра III, на его место был приглашен

с 1.01.1902 «временно-исполняющим обязанности младшего этнографа по вольному найму» Лев Яковлевич Штернберг (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г.). Ед. хр. 53. Л. 278). 1.05.1902 младшие этнографы Л.Я. Штернберг и Бруно Фридрихович Адлер зачислены в штат МАЭ ИАН (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1902. Ед. хр. 149. Л. 282 об.). Всем им приходилось вести обширную переписку с российскими и иностранными корреспондентами.

Важность задачи «представить более или менее полную картину и материал для изучения эволюции человеческой культуры, начиная с доисторического периода и кончая высшими культурами современности» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 55. Л. 15), подтверждена фактом придания МАЭ статуса императорского музея. 21.12.1902 государь император высочайше соизволил наименовать Музей по антропологии и этнографии Императорской Академии наук «Музеем антропологии и этнографии им. императора Петра Великого» (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1903. Ед. хр. 150. Л. 253).

В 1904 г. выбранная III Отделением ИАН Комиссия в составе академиков В.В. Радлова, В.В. Латышева и С.Ф. Ольденбурга, обсудив вопросы разграничения в будущем сфер деятельности Этнографического отдела Музея императора Александра III и состоящего при ИАН Музея антропологии и этнографии им. императора Петра Великого, пришла к следующему заключению: музеи не конкурируют между собой, в том числе и в финансовом отношении. Отмечалось, что *академический музей в течение своего долгого существования поддерживается главным образом пожертвованиями членов Академии и привлеченных или сочувствующих лиц. Только в 1892 г. Музей добился суммы в 3000 руб. на приобретение коллекций, но и эта скудная сумма, ввиду общей скудности средств, расходовалась по другим статьям бюджета, и новые коллекции в последние годы по-прежнему получались исключительно в виде дара сочувствующих целям музея лиц. Между тем музей Императора Александра III обладает ежегодной суммой в 40 000 руб. на приобретение коллекций. О конкуренции из общего источника — государственного казначейства — тут и речи быть не может. <...> ввиду поступающих в тот и другой музей объектов, которые почему-либо не подходят к сфере деятельности того или другого музея, желательна в таких случаях передача таких объектов в тот музей, которому эти объекты более всего по своему характеру подобают. То же желательно было бы и по отношению к совершенно тождественным дубликатам* (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 55. Л. 19–19 об.).

Так, 4.03.1914 М.А. Круковскому, с которым МАЭ связывали многолетние отношения, сообщалось: *Этнографические сборы в пределах Европейской России не входят в задачи нашего Музея, т.к. этим занимается Музей Императора Александра III — нет Открытого листа. Что же касается фотографических снимков, то часть их может быть приобретена, если окажется подходящая цена. Благоволите указать дату. В случае же невозможности приобретения их Музеем, укажите адрес для обратной отсылки Вам снимков* (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 281). 20.03.1913 М.А. Круковскому «за коллекцию 400 фотографий из быта инородцев Южного Урала» уплачено 100 руб. из сумм МАЭ (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1913. Ед. хр. 26. Л. 64).

МАЭ сосредоточил свои усилия на изучении регионов за пределами европейской части России. 22.03.1904 музей приобрел у полковника А.В. Верещагина четыре альбома фотографий с китайских древностей за 75 руб. (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1904. Ед. хр. 26. Л. 52), 25.11.1904 г. в дар поступили 51 фото с китайских

бронзовых изделий Мин и др. (СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 — 1904. Ед. хр. 8. Л. 7, 9). 16.02.1911 ИФО выразил благодарность д-ру Старковскому (г. Урумчи) за пожалованную коллекцию негативов китайских, маньчжурских и туркестанских могильников (34 шт.) (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 63. Л. 28).

Решение о покупке обычно принималось на заседании ИФО ИАН, фиксировалось в протоколах, и затем канцелярия правления выписывала ассигновку с указанием, из каких сумм производится выплата (из кредита, из сумм на музей, на научную деятельность, др.). Небольшие суммы можно было выплачивать из аванса, выдававшегося МАЭ на текущие расходы. Так, из аванса на февраль 1905 г. куплена у С.М. Дудина за 21 руб. 70 коп. коллекция фотографий типов и видов Монголии и за 25 руб. у М.А. Круковского коллекция фотографий Олонецкого края (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1905. Ед. хр. 26. Л. 30, 66 об.), а из аванса на март 1906 г. — коллекция фотографий по Китаю за 30 руб. 20 коп. у фотографа Динесс, 30.03.1906 ему же за 11 фото из жизни Китая уплачено 4 руб. 20 коп., Музею Александра III за коллекцию фотографий русских губерний в количестве 60 шт. — 30 руб. по счету (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1906. Ед. хр. 26. Л. 44 об., 75 об.). Из аванса на март 1914 г. Смоленцеву уплачено 50 руб. за коллекцию фотографий из быта черемисов (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1914. Ед. хр. 26. Л. 99 об.).

Из средств Попечительного совета, действовавшего в 1909—1917 гг., оплачены многие экспедиции и коллекции, в том числе негативы снимков долган, самоедов, юраков (№ 2196, 52 пр.) (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1912. Ед. хр. 161. Л. 406). В частности, на суммы, поступившие в распоряжение Попечительного совета 1911 г. от корреспондента музея д-ра Германа Креднера (Hofrath Dr. Hermann Credner), приобретены фотографии типов и быта ороченгов Забайкальской обл. (№ 1948, 40 пр.), фотографии тунгусского шаманского костюма из Забайкальской обл. (№ 2021, 4 пр.), негативы типов и бытовых сцен тунгусов Забайкальской обл. (№ 2046, 41 пр.) (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1913. Ед. хр. 160. Л. 369 об.).

Продажа фотоматериалов приобрела международный размах. Фотографы продавали как негативы, так и фотоотпечатки, потому одни и те же снимки можно встретить в коллекциях разных музеев и частных лиц. 2.05.1901 из сумм МАЭ были перечислены 13 долларов сенатору Николасу Расселу (Dr. Nicolas Russel) в Гонолулу, Гавайи (США), за 40 фотографий (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1901. Ед. хр. 26. Л. 34). 18.06.1903 фотограф Людвиг Штайнер (Ludwig Steiner) из Вены предложил купить у него снимки индийских городов за 150 марок, указав, что таковые уже приобрели Музеи народоведения в Лейпциге и Кёльне (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 50. Л. 204—204 об.). 5.05.1913 Roemmler & Jonas из Дрездена предложили МАЭ приобрести 10 тыс. фотографий и негативов 22 видов для иллюстрации научных книг (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 65. Л. 105—109).

4.02.1913 Н. Бернацкий писал В.В. Радлову: *Мною случайно приобретена коллекция фотоснимков, сделанных путешественником по Туркестану, Кавказу, Закаспийскому краю, Хиве, Бухаре, Персии и Китаю. Снимки воспроизводят типы отдельных народностей, характерные местные постройки, виды местности, местную утварь, оружие, одежду и древности. Почтительнейше прошу сообщить мне, не пожелаете ли Вы ознакомиться с названной коллекцией. Если эти снимки имеют научный интерес, я бы их охотно продал вверенному Вам*

учреждению. Примите уверение в совершенном почтении. Санкт-Петербург, Ковенский пер., № 14, кв. № 24. Тел. 9—82 (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 65. Л. 95—96).

29.01.1914 врач императорской российской миссии в Абиссинии Александр Иванович Кохановский принес в дар МАЭ 41 предмет и более 1000 негативов по Китаю. Он был утвержден в звании корреспондента музея (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1914. Ед. хр. 161. Л. 386.).

Многие фотографии, собиратели, ученые сотрудничали с ИАН в течение многих лет, выполняли заказы научных учреждений. Тесно сотрудничали в этом плане МАЭ и Азиатский музей. Академик К.Г. Залеман из сумм Азиатского музея оплатил в 1906 г. изготовление художником/фотографом С.М. Дудиным фотоальбома мавзолея Шах-Зинда в Самарканде (185 руб.) (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1906. Ед. хр. 153. Л. 345).

12.02.1914 Виктор Викторович Голубев принес в дар МАЭ *большое ценное собрание детальных снимков религиозных изображений из храмов в Южной Индии. Снимки эти являются результатом предпринятой г-ном В.В. Голубевым специального обследования всех храмов Индии, рассчитанного на целый ряд лет. В лице г. Голубева Музей приобретает ценного и бескорыстного сотрудника, энтузиаста индийского искусства.* ИФО ИАН постановило благодарить В.В. Голубева от имени академии и утвердить его корреспондентом МАЭ (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1912. Ед. хр. 161. Л. 393).

Хранитель МАЭ ИАН Владимир Ильич Иохельсон 6.06.1918 передал зав. Фотографическим Отделением МАЭ С.М. Дудину 10 ящиков с фотографическими негативами, сделанными в Камчатской экспедиции Рябушинского в 1909—1911 гг., по Алеутским о-вам и Камчатке и предоставил сделать с них отпечатки для фотографической коллекции МАЭ. Негативов около 2000. Часть из них имеется в дубликатах. Дубликаты я передаю как пожертвование для музейной коллекции негативов. Остальные негативы я прошу мне возвратить по отпечатании снимков. Все негативы вложены в конверты, на которых имеются номера негатива и их описание (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1918. Ед. хр. 72. Л. 26).

Александр Александрович Ромаскевич 11/24.06.1908 писал Л.Я. Штернбергу из Тегерана, что в Энзели, в таможене, со мной произошел казус: производя досмотр вещей, таможенный чиновник заметил мой фотографический аппарат, тут же оценил его в 50 руб. и предложил уплатить за него пошлину в размере 8 руб. В удостоверении взыскания пошлины мне выдал квитанцию, которая хранится у меня. <...> Но на оставшиеся 17 руб. очень мало придется приобрести, надо в закупку, какие есть, фотографических снимков, которые теперь вздорожают, 1 снимок размером 18×24 стоит на наши деньги 35 коп, раньше того по 20 коп. Поэтому я и решил сначала справиться, можете ли Вы возместить брешь в ассигнованной мне сумме. Если можно, то напишите бумагу в нашу миссию, по которой мне выдадут указанную Вами сумму, или можете перевести по почте в нашу миссию, с просьбой передать мне (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 58. Л. 289—290 об.). 11.01.1913 он отчитывался перед Л.Я. Штернбергом из Исфагана (Джультфа), Персия: *Что касается фотограф(ических) снимков, то в Тегеране я скупил все открытые письма и снимки, какие только были налицо, аппарат же Музея пустил в дело здесь, в Исфагане, предварительно скупив у местных фотографов все подходящие для нас снимки* (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 65. Л. 40).

Возвращение фотоматериалов владельцу

При обсуждении вопроса покупки коллекции или обмена было принято присылать фотографии или каталог, которые потом возвращались обратно владельцу.

Так, предметы из Западной Африки (Бенин) в МАЭ пытались продать С. Штрumpf (S. Strumpf) из Берлина (ему было отказано, и 14.12.1903 фотографии оправлены обратно) (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 50. Л. 237, 240), F. Smith, Steven's Auction Rooms (London) и др.

18.04.1906, обсуждая возможность приобрести европейскую коллекцию венского проф. Франца Гегера (Heger), его просили прислать фотографии, обещая их вернуть (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 56. Л. 129).

Известные арт-дилерские конторы «W.D. Webster» (Лондон), «J.E.G. Um-lauff Museum» (Гамбург) и другие регулярно сообщали МАЭ о новых предложениях, присылали каталоги, которые, если сделка состоялась, оставались у покупателя.

По просьбе членов Памирской экспедиции Г.А. Шпилько дал для использования в фотографии АН диапозитивы и снимки с памирских негативов, 13.04.1928 он просил вернуть их ему в Москву (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 4. Л. 90).

Создание фотоотдела МАЭ

Экспозиции, фондохранилище и рабочие помещения МАЭ размещались на втором этаже здания по Таможенному пер., 1. Музей был открыт для публики 13 марта 1898 г., но в мае 1903 г. вновь закрылся на ремонт.

Из скудных сумм, отпущенных на развитие МАЭ, выделялись средства на разнообразные фотоработы. 27.11.1899 по запросу Д.А. Клеменца фотомагазин «F. Johim and Co» поставил 10 пачек бумаги целлулоидного материала размером 18×24 см и дюжину хлористой платины (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 53. Л. 144). 3.12.1899 счет из магазина «Ф. Иохим и К°» на сумму 21 руб. 59 коп. поступил в Правление ИАН (Там же. Л. 148), 22.01.1900 — счет за фотопринадлежности на 70 руб. 93 коп., уплаченный из сумм на расходы по МАЭ (Там же. Л. 157), 29.09.1900 — еще на 48 руб. 78 коп. (Там же. Л. 199), и др.

Для сравнения укажем, что в 1896 г. за работы по каталогизации привлеченные сотрудники получали в месяц по 25 руб.

Для фотолаборатории было выделено место в здании музея. 28.08.1901 директор МАЭ просил главного архитектора ИАН Евгения Романовича Баера провести воду из туалета в соседнюю темную фотолабораторию (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 53. Л. 258).

ИФО давал разрешение оплачивать счета С.М. Дудина из средств МАЭ: 26.01.1900 — за фотоработы в 1899 г. на 93 руб. 60 коп., 1.03.1900 — на 289 руб. 99 коп. (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1900. Ед. хр. 147. Л. 241, 259 об.), 3.04.1902 — на 130 руб. (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1902. Ед. хр. 149. Л. 278), 14.04.1904 — на 84 руб. 65 коп. (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1904. Ед. хр. 26. Л. 76), 13.10.1904 — на 75 руб. (Там же. Л. 109), 19.10.1905 — 222 руб. 90 коп. (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1905. Ед. хр. 26. Л. 97). Из аванса МАЭ 4.11.1908 уплачено С.М. Дудину за работу по фотографированию коллекций 25 руб. (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 —

1908. Ед. хр. 29. Л. 118 об.), из кредита МАЭ на 1909 г. 28.01.1909 — 139 руб. 83 коп. (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1909. Ед. хр. 26. Л. 28).

15.12.1901 магазин фотопринадлежностей «Ф. Иохим и К^о» просили прислать в МАЭ выбранные третьего дня фотопринадлежности, с оплатой в 1902 г. (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 53. Л. 273). Счет «Ф. Иохим и К^о» за 1901 г. на 310 руб. был предъявлен ИФО 6.03.1902 (Там же. Л. 294), 6.03.1902 — на 310 руб. 75 коп. (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1902. Ед. хр. 149. Л. 265 об.).

Часть пакгауза Санкт-Петербургской портовой таможни с прилегающей к нему землей 22.03.1891 была передана под устройство Зоологического музея. В.В. Радлов ходатайствовал 6.02.1902 перед ИФО о расширении площади МАЭ, пристройке со стороны двора во всю ширину здания (чтобы там разместились прихожая, раздевальная, комната для распаковки вновь поступающих вещей) (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1902. Ед. хр. 149. Л. 258). 29.05.1902 архитектор ИАН Бах сделал проект сметой на 5062 руб. Общее собрание ИАН 2.11.1902 проголосовало за перераспределение помещений и за отчуждение части земли Зоологического музея в пользу МАЭ (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1902. Ед. хр. 82. Л. 2, 18). По отношению Министерства народного просвещения № 393 от 19.02.1903 государь император 19 апреля 1903 г. высочайше соизволил разрешить ИАН воспользоваться для расширения Музея антропологии и этнографии имени императора Петра Великого частью земли, назначенной под устройство Зоологического музея (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 51. Л. 123). На расходы по ремонту и устройству обстановки МАЭ было выделено их казны 8000 руб. из средств МНП на строительство (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 51. Л. 127–128 об.). Переустроенный музей имел уже четыре зала и открылся для доступа публики 11.01.1904 (Там же. Ед. хр. 53. Л. 426).

15.02.1903 В.В. Радлов предъявил ИФО шесть счетов депо фотографических принадлежностей «Ф. Иохим и К^о» за доставленные для МАЭ фотографические принадлежности. На обустройство фотографического отделения МАЭ из суммы, ассигнованной на приобретение коллекций в 1903 г., г-ну Иохиму было уплачено 1.02.1903 371 руб. 59 коп. (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1903. Ед. хр. 26. Л. 20–24), 17.03.1904 — 80 руб. 74 коп. из депозита (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 53. Л. 459), 4.06.1905 — 174 руб. 89 коп. (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1905. Ед. хр. 26. Л. 37), 4.06.1907 — 218 руб. 50 коп. (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1907. Ед. хр. 26. Л. 72), 15.03.1908 — 121 руб. 70 коп. (за фотопринадлежности: бумага, пленки, светофильтры) (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1908. Ед. хр. 29. Л. 61), 24.02.1910 — 475 руб. 97 коп. (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1910. Ед. хр. 26. Л. 38), 24.02.1910 — 475 руб. 97 коп. (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1910. Ед. хр. 26. Л. 38). 28.11.1911 «Ф. Иохим и К^о» поставили три пачки бромисто-кислотной бумаги и проявитель (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 63. Л. 141). 21.01.1912 фирме уплачено 248 руб. 45 коп. за фотопринадлежности (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1911. Ед. хр. 26. Л. 16), 30.01.1913 — 402 руб. 40 коп. (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1913. Ед. хр. 26. Л. 18), 15.05.1913 — 134 руб. 55 коп. за 4 дюжины пластинок, 4 коробки проявителя (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1913. Ед. хр. 26. Л. 111), 22.01.1914 — 436 руб. 94 коп. (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1914. Ед. хр. 26. Л. 23), 5.02.1914 — 113 руб. 01 коп. (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1914 г. Ед. хр. 26. Л. 54). Из аванса 25.05.1914

оплачен счет Э. Бредова на 6 руб. 25 коп. за фотографирование и проявку снимков (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1914. Ед. хр. 26. Л. 173об.). 3.12.1914 из сумм музея оплачен счет Товарищества «Иохим и К^о» на 1038 руб. 43 коп. за фотопринадлежности (Там же. Л. 224), 21.01.1915 — 1226 руб. 07 коп. из общих остатков по академии ввиду чрезвычайно крупных расходов, предстоящих музею в этом году (Там же. Л. 248). ИФО оплатило 27.01.1916 из сумм МАЭ два счета «Ф. Иохи́ма и К^о» — 392 руб. 82 коп. и 200 руб., а также два счета Е. Краус — 121 руб. 55 коп. и 448 руб. за фотопринадлежности (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1916. Ед. хр. 163. Л. 388). Складу фотографических принадлежностей «Ф. Иохи́м и К^о» 24.09.1916 — 54 руб. 90 коп. (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1916. Ед. хр. 14. Л. 120), 18.01.1917 — 562 руб. 54 коп. (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1917. Ед. хр. 19. Л. 24), 14.05.1917 — 218 руб. 63 коп. (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1917. Ед. хр. 19. Л. 71), Товариществу на паях «Ф. Иоахим и К^о» 2.03.1918 — 264 руб. 77 коп. и 17.04.1918 — 71 руб. 10 коп., 12.06.1918 — 350 руб. 15 коп., 27.11.1918 — 1225 руб. (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1918. Ед. хр. 17. Л. 12, 25, 36, 78). 8.11.1917 Главное казначейство вернуло без исполнения в АН ассигновку от 25.10.1917 № 1279 на 135 руб. (счет д-ра Льва Бродского на 153 р. за фотопринадлежности для МАЭ) (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1917. Ед. хр. 19. Л. 122–125).

Почетный член Попечительского совета МАЭ Феликс Юльевич Шотлендер в 1909 г. предложил принять на свой счет все расходы по устройству нового (третьего) этажа над зданием в Таможенном пер., 1 и флигеля, выделил 70 тыс. руб. (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1910. Ед. хр. 157. Л. 362). Площади МАЭ увеличились. Развитие музейного дела требовало создания специальных вспомогательных отделов. Появилась возможность расширить фотолабораторию.

04.1911 «Ф. Иохи́м и К^о» был дан заказ на сатинировальный пресс для отпечатков, системы Фернанде, но таковые уже перестали выпускать (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 62. Л. 63). 16.11.1913 по счету П. Тетерина ИАН выделила 36 руб. 54 коп. на устройство электрического вентилятора в фотографической комнате МАЭ (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1913. Ед. хр. 26. Л. 251). 28.07.1915 В.В. Радлов ставил перед Правлением ИАН задачу приобретения для фотографической мастерской оборудования (постоянный запасной бак на 15 ведер воды ввиду недостаточного напора); 7.09.1915 — денатурированного спирта в количестве около $\frac{1}{4}$ ведра (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 69. Л. 160, 163).

Рост инфляции и нехватка материалов ставили МАЭ в тяжелое положение. Это видно по скурым сведениям из финансовых книг МАЭ, особенно сравнительно с суммой месячного аванса. В 1916 г. из аванса 500 руб. за фотопринадлежности надо было уплатить 518 руб. 60 коп. (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1916. Ед. хр. 14. Л. 140 об.) В счет аванса (500 руб.) председатель Комиссии по управлению музеем академик В.В. Бартольд уплатил 20 руб. за фотоматериал, приобретенный лаборанткой Саминовой 10.09.1918, и 38 руб. за два фунта крахмала для фотографического отделения 19.10.1918 (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1918. Ед. хр. 17. Л. 50 об., 63 об.), товариществу «Ф. Иоахим и К^о» 27.10.1918 — 1298 руб. (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1919. Ед. хр. 20. Л. 3 об.), из аванса 1500 руб. — 165 руб. 75 коп. 19.02.1919 и 389 руб. 75 коп. 26.03.1919, Е. Саминовой за фотоматериалы — 43 руб. 95 коп. и 41 руб., Ф. Иохи́му — 20 руб. (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1919. Ед. хр. 20. Л. 3–3 об., 60 об.). Из аван-

са 4801 руб. за ноябрь 1919 г. — 460 руб. 25.08.1919 «И. Стеффен и К°» за фотопринадлежности, В.И. Иохельсону — 575 руб. 25.11.1919 (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1920. Ед. хр. 20. Л. 40 об.).

Совет МАЭ обращался 14.10.1918 в Центральную продовольственную управу, прося 20 фунтов стеариновых свечей для зав. отделами и фотолаборатории, 1,5 пуда мыла для коллекций и мытья помещения, 4,5 пуда керосина для обогрева кабинета, воды, реактивов, 21.10.1918 — 20 фунтов поваренной соли для проявки и т.д. (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 73. Л. 122, 125).

Новый этап оснащения фотоотдела приходится на 1923—1925 гг., когда МАЭ ремонтировал помещения бывшей Кунсткамеры, откуда была выведена в новое здание Библиотека Академии наук. К 200-летию юбилею Академии наук нужно было в кратчайший срок создать и развернуть новые экспозиции, спроектировать и построить выставочную мебель, подготовить иллюстративный материал, карты, схемы, этикетки, указатели и пр.

2.10.1923 счет В.Л. Котвича за фотопринадлежности для эволюционного и других отделов при выставлении коллекций составил 10 350 руб., Е.П. Саминовой 8.10.1923 — 5000 руб. (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1923. Ед. хр. 19. Л. 90, 92). В 1924 г. в заявку на оборудование МАЭ были включены фотопринадлежности, краски, фотографические пластинки «Agfa-Berlin» и фотобумага для карточного каталога (для печати с негативов), карточки, пишущая машинка, материалы для ремонта коллекций, всего на 100—120 золотых руб. (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1924. Ед. хр. 25. Л. 52, 90).

15.09.1924 счет магазина фотопринадлежностей «Севзапкино» на 100 руб. был оплачен из сумм на нужды музея по ученой части (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1924. Ед. хр. 25. Л. 118). Фотомагазин АО «Совкино» поставлял фотоматериалы 13.12.1926 на 175 руб. 20 коп. (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 6. Л. 402), 19.05.1927 — на 441 руб. 65 коп. (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 5. Л. 382), 30.06.1927 — 87 руб. 40 коп. (и химическому магазину Ф. Бюлера 178 руб. 50 коп.), 14.09.1927 — 138 руб. 75 коп. (за 45 дюжин фотопластинок), 2.12.1927 — 198 руб. (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 6. Л. 44, 104, 297), 6.02.1928 — 153 руб. 81 коп., 3.05.1928 — 112 руб. 50 коп. и 103 руб. 43 коп., 22.05.1928 — 131 руб. 25 коп., 2.06.1928 — ассигновка 173 руб. 80 коп. (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 3. Л. 75, 310, 353, 361, 391), 10.08.1928 — 223 руб. 73 коп. (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 4. Л. 78).

Размах фоторабот требовал улучшения условий. 23.03.1928 МАЭ просил Хозяйственно-строительный отдел АН СССР приспособить под фотолабораторию одно из помещений цокольного этажа старого здания, чтобы там могли работать одновременно несколько лиц (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 5. Л. 59—59 об.).

13.09.1928 П.М. Романовой было уплачено 74 руб. за конверты для негативов (16 200 шт.) для фотомастерской (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 4. Л. 152).

Фотомастерская делала диапозитивы для лекций и экспонирования. В 1928 г. только по заказу Л.А. Мерварт в фотолаборатории МАЭ было изготовлено несколько десятков диапозитивов (№ 3621 — здание, экспозиции и рабочие помещения Королевского колониального музея в Амстердаме, сня-

тые с иллюстраций в книгах; № 3903 — выставки отдела Индии). 19.10.1928 уплачено 80 руб. столяру С.П. Трофимову за 10 наоконных витрин для диапозитивов (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 4. Л. 228), 21.11.1928 — 110 руб. 50 коп. П.Н. Николаеву за изготовление снимков, окантовку 57 диапозитивов и фотографий (Там же. Л. 320).

С.М. Дудин по личной инициативе выписывал для фотоотдела МАЭ из-за границы химикалии (последняя партия была отправлена швейцарской фирмой «Arotela» в июне 1929 г.), которые оплачивались из валютных средств Академии наук. Закупки проводились через Торговое представительство АН СССР в Берлине. После смерти С.М. Дудина эта практика прекратилась (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1930. Ед. хр. 12. Л. 69, 79).

Личный состав фотолаборатории

В конце XIX — начала XX в. В.В. Радлов сумел подобрать штатный и привлеченный персонал, который был способен выполнять самые сложные и разнообразные виды научной и музейной работы. Коллектив сотрудников МАЭ создавал экспозиции, заказывал экспозиционную мебель, писал путеводители. Одновременно они планировали экспедиционные работы и руководили ими, организовывали обмен коллекциями.

В 1903 г. штат МАЭ включал директора (академик В.В. Радлов) и двух младших этнографов (Л.Я. Штернберг и Б.Ф. Адлер), приватно работали Ф.К. Руссов, г-жа Е.Л. Петри, К.К. Гильзен, Ю.А. Людевиг, г-жа Е.М. Романова.

С 1907 г. МАЭ начинает на спонсорские средства отправлять экспедиции в поле, закупаются коллекции, в том числе фотоальбомы. Для помощи штатному персоналу по регистрации вновь поступающих материалов нанимались внештатные сотрудники Виктор Николаевич Васильев, Клавдий Васильевич Щенников, Владимир Иванович Каменский и др.

В 1909 г. в МАЭ по-прежнему было три ставки штатных сотрудника. Старший этнограф Л.Я. Штернберг занимался администрированием, документами, экспедициями, посетителями, отделом русских инородцев и народами Америки (почти половина всех коллекций), первый младший этнограф Б.Ф. Адлер — славянскими народами России, Китаем, Японией, Индией, Сиамом, археологией, и.о. второго младшего этнографа Е.Л. Петри была счетоводом, занималась хозяйством, а также Индонезией, Океанией, Индией, Африкой, Австралией, Полинезией. Конференция Академии наук выделила МАЭ 5800 руб., из этих и внебюджетных средств оплачивался труд привлеченных сотрудников, которые годами работали в музее по вольному найму. МАЭ представлял собой три самостоятельных музея: отдел физической антропологии, отдел доисторической археологии, отдел общей этнографии. Директор подчеркивал в докладных записках, что требуется увеличить расходы на «регистрацию и ремонт коллекций». Также в МАЭ «должен быть фотограф, фотографические материалы. Фотографические заказы наемному фотографу обходятся Музею намного дороже, а работа выполняется с меньшей аккуратностью» (СПбФ АРАН. Ф. 6. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 90 об. — 92).

В финансовых документах МАЭ впервые указано, что 3.02.1909 из сумм аванса МАЭ было выплачено К.В. Щенникову за наклейку и надписание фотографий 23 руб. 70 коп. (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1909. Ед. хр. 26. Л. 23 об.)

С 5.07.1912 был утвержден новый штат ИАН, стало возможным закреплять привлеченных сотрудников в статусе вольного найма.

Создание при МАЭ специального отдела, занимающегося иллюстративными материалами, было обусловлено ростом коллекций и практикой полевой и музейной этнографической работы. Основной фигурой этого направления был С.М. Дудин.

Самуил Мартынович Дудин (1863—1829) «начал работать в МАЭ в 1893 г. поездкой в Малороссию для сбора этнографических коллекций, фотографий, зарисовок» (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 8. Л. 56). Он был участником многих экспедиций в Среднюю Азию. Сопровождал В.В. Радлова в 1907 г. в поездке по музеям в Северной Европе и Германии (Стокгольм, Копенгаген, Гамбург, Лейпциг, Кёльн, Нюрнберг, Берлин, Дармштадт и др.), где делал зарисовки и чертежи музейной мебели. В конце 1911 г. он согласился безвозмездно заведовать фотографическим отделом МАЭ, и 30.11.1911 протоколом ИФО № 14 было разрешено внести его имя в список служащих при МАЭ лиц (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1911. Ед. хр. 158. Л. 409). По ходатайству князя А.Г. Романовского, председателя Попечительного совета МАЭ, служебный персонал и лица, содействующие устройству и открытию музея в 1912 г., были представлены к награждению, С.М. Дудин — к благодарности. После введения в ИАН новых штатов классный художник/фотограф С.М. Дудин был предложен В.В. Радловым на должность фотографа и избран на эту должность (Протокол заседания ИФО ИАН №10 12.09.1912 § 298). С 1.07.1912 к жалованию Дудина за специальные работы в археологическом отделе Туркестана, а К.В. Щенникова — за ведение фотоотдела и работы по регистрации добавили по 50 руб. из сумм личного состава (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1912. Ед. хр. 159. Л. 400 об.).

1.01.1914 С.М. Дудин был удостоен Высочайшего благоволения за труды, понесенные во время Турфанской экспедиции (в изъятие из правил), участие в Орхонской экспедиции 1891 г., сбор коллекции для Музея Александра III, участие в ряде ученых командировок от Музея Александра III, Академии наук, Российского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии, в последнее время в Восточном Туркестане (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1915. Ед. хр. 62. Л. 11). Годовой оклад ему был установлен в 1560 руб. ИАН ходатайствовал о назначении личной пенсии не имеющему чина фотографу МАЭ Самуилу Дудину, вероисповедания православного, за особо полезную деятельность. Он получил благодарность и медаль в память 300-летия царствования дома Романовых (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1914. Ед. хр. 74. Л. 21—22, 32). Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 28.06.1914 № 53 утвержден в чине коллежского секретаря по званию художника, со старшинством с 12.09.1912, выслужил установленные сроки на производство в следующие чины и был представлен к чину титулярного секретаря, со старшинством с 12.09.1915 (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1915. Ед. хр. 63. Л. 38, 40). В «Правительственном Вестнике» 1.01.1917 за № 1 сообщалось, что министром народного просвещения приказом по Гражданскому ведомству от 1.01.1917 коллежский секретарь фотограф Музея антропологии и этнографии при Академии наук Самуил Дудин производится за отличие к ордену Св. Станислава 3 ст. (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1917. Ед. хр. 41. Л. 1).

После введения в 1913 г. новых штатов перед МАЭ была поставлена задача подготовиться к переводу в новое помещение, расширить старые и образовать

новые отделы, интенсивно собирать новые коллекции. По предложению В.В. Радлова ИФО ИАН на заседании 4.10.1917 (протокол № 12, § 319) согласился определить Елизавету Прокофьевну Саминову (1894 г.р.) вольнонаемной служащей в качестве лаборанта в фотографическую мастерскую МАЭ с окладом в 35 руб. в месяц (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1917. Ед. хр. 164. Л. 490 об.). Ее отец Прокофий Саминов, потомственный Почетный гражданин, служил в музее в 1882—1901 гг. в качестве сначала единственного, а затем старшего служителя при МАЭ, «нес разнообразные и ответственные обязанности по отношению к соблюдению чистоты и порядка, так и по охранению ценных коллекций Музея» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 53. Л. 202). Е.П. Саминова работала в МАЭ с 1914 г. Таким образом, С.М. Дудин и Е.П. Саминова относились к числу старейших сотрудников, всецело преданных музею. Они стали членами-учредителями Радловского кружка, основанного 19.06.1918 в память академика В.В. Радлова (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 5. Л. 164). 1.10.1925 Е.П. Эмме (Саминова) переведена на должность технического сотрудника (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 15. Л. 6).

В годы Первой мировой войны положение МАЭ становилось все более критическим. Цены на необходимые для музея предметы (фотографические принадлежности, лес для мастерской, спирт, стекло, плата за услуги) к концу 1917 г. возросли в несколько раз, сотрудники не могли существовать на скудное жалование. При этом размер вознаграждения был увеличен только для художника/фотографа МАЭ, приравненного в этом отношении к штатным младшим этнографам (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 73. Л. 47—48). Протокол заседания ИФО Российской академии наук (далее — РАН) № 6 10.04(28.03).1918 утвердил в состав оплачиваемого персонала С.М. Дудина в качестве зав. отделами Туркестанских древностей и фотографическим (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1918. Ед. хр. 163. Л. 390).

В 1919 г. персонал МАЭ составлял 22 чел. (13 мужчин и 8 женщин). Отделы МАЭ: Южной Америки, турфанских древностей и фотографическая мастерская, культурных стран Азии, Африки, Австралии и Полинезии, Северной Америки, археологии, Петровская галерея, канцелярия, библиотека (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 73. Л. 199, 201).

Планы расширения МАЭ в 1924 г. предполагали увеличение числа отделов и персонала. Так, отдел древностей Восточного и Западного Туркестана должен был войти в археологическое отделение (вместе с отделом доисторической археологии). Отдел изображений, отдел технической фотографии, библиотека и Галерея Петра I входили в антропологическое отделение (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1922. Ед. хр. 5. Л. 8—9). Отдел древностей Восточного и Западного Туркестана планировалось разместить в хорах двухсветного зала левого крыла нового здания (бывшей Кунсткамеры), в комнате, круглом зале третьего этажа, стене хор правого крыла. Для отдела изображений в новом здании особого места выделено не было (помета — «что осталось»). *Музей одинаково обслуживает и специалистов-ученых, и молодежь, готовящуюся к работе по этнографии, и широкие массы, которые выносили из него ясное представление о человечестве на всех ступенях развития, о происхождении различных форм культуры, вырабатывающиеся путем организации правильного мировоззрения на успехи и заблуждения человеческой мысли. Вместе с тем Музей выполняет функции са-*

мостоятельного исследовательского института. Задача его работников не только научно обработать накопившиеся в Музее материалы, но и экспедиционным путем собирать новые материалы путем стационарного всестороннего изучения необследованных народностей как в пределах СССР, так и во всех частях света. Только выполнением этой тройной задачи, теоретической, научной, просветительной и исследовательской, музей может и должен оправдать свое назначение служить Музеем и школой мировой культуры (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 8. Л. 29).

После переезда в новое здание в 1924 г. площадь МАЭ увеличилась до 33-х залов и составила 3972 кв. м. В музее работали 49 чел. (31 научный сотрудник, 3 научно-технических, 15 младших служащих). Фонды МАЭ насчитывали 191 110 предметов (в том числе 45 953 негативов и фотографий), из них выставлено было 65 900 предметов (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 8. Л. 19). Новая экспозиция МАЭ открылась к 200-летию юбилею АН и стала доступна для посещения 15.10.1925 (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 6. Л. 153). В МАЭ в качестве особых подразделений действовали отдел изображений, в котором хранилось 48 тыс. номеров (негативов — 17 195, а также позитивы, диапозитивы, фотографии, рисунки, политипажи), и специальная фотографическая лаборатория. Работали в отделе изображений ученый хранитель С.М. Дудин и Александр Брониславович Пиотровский. Одновременно С.М. Дудин заведовал отделом древностей Восточного и Западного Туркестана (в нем насчитывалось 10 520 пр.) под наблюдением С.Ф. Ольденбурга, А.Б. Пиотровский — отделом Океании и Австралии (6260 пр.) (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 7. Л. 60). А.Б. Пиотровский 11.12.1925 отказался от этой нагрузки: *Затрудняясь ввиду наличия ряда срочных работ в Отделе Австралии и Океании выполнять побочную работу по заведыванию Отделом изображений, прошу Совет освободить меня от заведывания Отделом Изображений»* (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 6. Л. 389). Отдел изображений опять возглавил С.М. Дудин (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 15. Л. 12).

Размах работ можно представить по запросу № 971 директора МАЭ в Управление делами АН СССР от 8.05.1929 о расширении штатов. Требовались дополнительные ставки второго фотографа (для обслуживания исследовательских работ, изготовления снимков, поступивших от экспедиций, изготовления снимков для карточного каталога коллекций — всего их 180 тыс. предметов, лишь небольшая часть их зарисована и сфотографирована) и технического помощника для двух фотографов (для промывки негативов, отпечатков) (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 15. Л. 23). После смерти С.М. Дудина (в ночь с 8 на 9 июля 1929 г.) МАЭ просил заполнить вакансию заведующего фотографической мастерской и отдела изображений, на какую рекомендовал принять В.П. Павлова (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1930. Ед. хр. 7. Л. 13–14), 8.03.1930 — лаборанта в фотолабораторию (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 15. Л. 51).

В 1930 г. в 14 отделах МАЭ работали 46 сотрудников. Вспомогательными отделами считались 1) библиотека и при ней кабинет экскурсовода; 2) фотографическая лаборатория; 3) модельно-муляжная мастерская; 4) дезинфекционная камера; 5) магазинные помещения (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 15. Л. 43).

Выполнение фоторабот

Такая постановка дела позволила МАЭ оказывать услуги по фотографированию экспонатов для специалистов. 3.04.1902 ИФО ИАН дало разрешение сфотографировать буддийские образа и статуэтки МАЭ для каталога С.Ф. Ольденбурга (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 51. Л. 96), 7.01.1904 соединенное заседание I и III отделений ИАН выделило 100 руб. С.Ф. Ольденбургу на изготовление фотоснимков с древностей Индии и Индийского архипелага (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1904. Ед. хр. 46. Л. 1, 27). ИФО ИАН 14.01.1909 разрешило фотографирование вещей Фатьяновского карьера для А.С. Лаппо-Данилевского (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 49. Л. 47).

Как писал В.И. Иохельсону А.В. Орешников, заказывая 15.03.1911 фотографии, *цены у Вас в Академии очень доступны, как и у нас в [Историческом. — Е.С.] Музее. В Эрмитаже, наоборот, дерут немилосердно, впрочем, может быть, оттого, что фотограф не свой. Расходы на съемки 3 р.20 к. + пересылка* (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 49. Л. 76).

Тема изготовления иллюстраций для неперIODического «Сборника МАЭ», который издавался с 1900 г., требует особого изучения. Те работы, которые в МАЭ сделать было невозможно, выполнялись на стороне.

После Октябрьской революции МАЭ усилил музейно-педагогическую и просветительную активность. Для демонстрации на лекциях, читаемых в МАЭ ежегодно для учителей и руководителей экскурсий, требовались иллюстративные материалы. Директор МАЭ академик В.В. Бартольд 23(10).10.1918 получил разрешение ИФО РАН изготовить 342 диапозитива изображений различных этнографических образцов по цене 3 руб. 50 коп. за обыкновенный (черно-белый), 6 руб. за раскрашенный экземпляр (по негативам В.Н. Харузиной) на общую сумму 1500 руб. Заказ был направлен в мастерскую теневых картин при Совете Всероссийского кооперативного съезда, Москва, Политехнический музей, Ивану Ивановичу Крылову (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1918. Ед. хр. 165. Л. 475).

14 января 1925 г. РАН возобновил обязательства в отношении разных иностранных учреждений и лиц, оказавших РАН содействие (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1925. Ед. хр. 174. Л. 132 об.). Стали восстанавливаться отношения с зарубежными партнерами.

Когда новые экспозиции МАЭ были открыты для публики, появились запросы на публикацию его материалов. Особый интерес вызывали восточные культуры. Берлинская служба новостей «*Presse-Photo Nachrichtendienst*» предложила публикацию сокровищ МАЭ (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 6. Л. 276), в первую очередь речь шла о возможности распространения фотоматериалов Индийской экспедиции. МАЭ ответил, что испрашиваемые фотографии из собрания А.М. и Л.А. Мервартов не могут быть предоставлены, так как находятся сейчас в процессе научной обработки (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 7. Л. 28). 3.12.1925 Русс-Фото (московское Общество культурных связей с заграницей) обратились с просьбой произвести фотосъемку в МАЭ для заграничной периодической печати, особенно желательно было бы снять индийский отдел (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 6. Л. 353). В июле 1928 г. «Красная газета» просила разрешить сфотографировать экспо-

зиции Японии для журнала «Красная панорама» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 4. Л. 39).

Сотрудник Ленинградского института живых восточных языков А.К. Арентдт 27.10.1925 просил разрешить просмотреть фотографии костюмов народов Персии и Афганистана и сообщить стоимость этих снимков для пересъемки (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 6. Л. 278), научный сотрудник Азиатского музея Евгений Эдуардович Бертельс — о пересъемке 18 фотографий МАЭ для лекции о персидском театре (по поручению Института истории искусств) (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 5. Л. 178).

К иллюстративным материалам МАЭ неоднократно обращались кинематографисты. Кинофабрика «Ленинградкино» отправляла в 1926 г. экспедицию в Мурманский край для заснятия картины, рисующей быт народов Крайнего Севера. Режиссерам тт. Козинцеву Г. и Траубергу Л. необходимо было осмотреть экспонаты и иконографический материал (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 6. Л. 54), а 3.02.1927 для съемок к/ф «Хабу» (по рассказу В.В. Иванова) о туземцах Кольского п-ва выдать украшения и одежду по списку (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 5. Л. 100–101). 20.06.1928 Ленинградская кинофабрика «Совкино» снимала в МАЭ некоторые китайские и японские экспонаты (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 3. Л. 453).

Приобретение технического оборудования

МАЭ оснащался современным техническим оборудованием. Техникой снабжались и экспедиции, выполнявшие задания музея.

21.05.1905 оплачено из сумм МАЭ 80 руб. за фотоаппарат, приобретенный студентом А. Павловичем для МАЭ (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1905. Ед. хр. 26. Л. 44). В 1906 г. А. Павлович, выполняя поручения Естественно-научного музея Полтавского губернского земства, собрал для МАЭ коллекцию детских игрушек и выслал в ящиках на музей. В письме 25.02.1906 он обязывался 4–5 марта 1906 г. по приезде в Санкт-Петербург разобрать вещи. Фотоаппарат он послал домой, чтобы его отнесли в МАЭ. Снимки проявить в Полтаве неудобно, он обещал сделать это сейчас же после приезда (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 58. Л. 21–22).

18.03.1906 из сумм, ассигнованных на расходы по МАЭ, был оплачен счет И.М. Мирвиса на 127 руб. 50 коп. за три стереоскопа и 300 оригинальных стереографов (представляющие интересные в этнографическом отношении полные комплекты снимков по Индии, Японии, Египту) (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1906. Ед. хр. 26. Л. 34). Приобретая стереоскопические виды типов разных народов Земли и их обычаев, МАЭ просил добавить снимки по Австралии и Полинезии, индейцам Северной и Южной Америки — быстро исчезающим народам (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 49. Л. 59).

29.04.1906 из сумм, ассигнованных на расходы по музею, оплачен счет АО «Кодак» («Kodak Limited», London) на 80 руб. 90 коп. за приобретенные фотопринадлежности (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1906. Ед. хр. 26. Л. 59).

В 1907 г. II Отделение ИАН приобрело фотоаппарат для снятия рукописей (для Мюнхенской академии), заплатив 10.02.1907 200 руб. (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1907. Ед. хр. 46. Л. 28). 12.12.1907 оплачен счет Ж. Блок на 55 руб. за мимеограф для МАЭ. (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1907. Ед. хр. 26. Л. 165).

29.12.1907 были приобретены фотобумага из Берлина (7 руб. 10 коп.) и два стола в фотографическую комнату (13 руб.) (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1908. Ед. хр. 29. Л. 2 об., 168). 1.03.1908 Правление ИАН перевело 93 марки (43 руб. 30 коп.) в Берлин фирме «Ottomar Anschuetz» за фотопринадлежности (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1908. Ед. хр. 29. Л. 29).

В феврале 1909 г. МАЭ ремонтировал фонограф от Герхарда (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1909. Ед. хр. 26. Л. 23об.). 30.01.1913 из сумм МАЭ были переведены 334 руб. 50 коп. Международному техническо-промышленному товариществу за диктовальную машину Эдисона и принадлежности к ней (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1913. Ед. хр. 26. Л. 8).

В 1912 г. за счет Попечительного совета за фотопринадлежности было уплачено 518 руб. 60 коп. (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1913. Ед. хр. 160. Л. 369 об.)

В 1914 г. по накладной были приобретены фотоаппарат (11 руб. 17 коп.) (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1914. Ед. хр. 26. Л. 63 об.), по счету у А. Бурхарда — фонограф (20 руб.) (Там же. Л. 173 об.).

Для Германа Христиановича (с 1916 г. — Александра Михайловича) и Людмилы Александровны Мервартов, участников экспедиции на о-в Цейлон и в Индию, было закуплено современное оборудование на сумму 934 руб. 90 коп. (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 174–175 об.). 1.04.1914 у Генеральной компании «Pathé Frères» — хронометрический аппарат «Профессионал» с полным комплектом за 900 руб. с рассрочкой оплаты на два года (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 66. Л. 343). Фотопластинки и фонографические валики были приобретены у Карпова (450 руб.) (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918. Ед. хр. 46. Л. 2). 14.04.1914 зав. Петербургским отделением компании на основании заказа МАЭ № 186 от 1.04.1914 выдал Г.Х. Мерварту полный комплект съемочного профессионального аппарата и вертикальную платформу, 111 м негативной пленки для пробы аппарата. При этом предлагались дополнительные услуги серьезному клиенту: *Считаю долгом уведомить Вас, что нами принимаются на обработку негативы наших клиентов, т.е. проявление негативов и печатание позитива. Т.к. г. Мерварт по всей вероятности будет проявлять негативы в наших отделениях в Калькутте и Бомбее, то мы можем предложить Вам печатание позитивов по цене 35 коп. за метр. В зависимости от количества метража вышеупомянутая цена может быть значительно уменьшена. В ожидании Ваших почтенных заказов пребываю в совершенном почтении»* (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 102).

Обучение они прошли также в Петербурге в кинематолаборатории Ф.К. Верриго-Даровского (Санкт-Петербург, Коломенская ул., д. 5, кв. 102). 10.06.1914 он сообщал директору МАЭ: *Ссылаясь на личные переговоры с уважаемым Г.Х. Мерварт, обученным мною кинематографическому делу и отправившемуся в экспедицию в Индию, настоящим предлагаю Вам мои услуги по печатанию позитивов с негативов, которые будут Вами получены от него из Индии. До отъезда своего из Санкт-Петербурга г-н Мерварт был так любезен предложить исполнение этой работы мне, зная отличное, скорое и дешевое исполнение таковых моей лабораторией под моим личным наблюдением. Печатание негативов для Этнографического Музея можно исполнить по крайне дешевой цене в 25 коп. за погонный метр, включая анилиновую окраску ленты, но без химических виражей, за которые обыкновенно взимаю надбавку 5 коп. за метр. Я надеюсь, что при получении*

от г. Мерварт негативов, таковые будут переданы мне для изготовления соответствующих позитивов и в этом ожидании пребываю, с совершенным почтением, Ф.К. Вериго-Даровский (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 176—176 об.)

Немецкие коллеги помогли достать 300 фонографических валиков. 5.05.1914 они были отправлены тюрингской химической фабрикой E. Saueerlandt (Flurstedt bei Apolda) прямо в Коломбо (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 67. Л. 128). 15.04.1915 Генеральная компания фотографов и синематографов братьев Пате предоставила счет на 485 руб. за съемочный аппарат, купленный для экспедиции Г.Х. Мерварта (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1a — 1915. Ед. хр. 162. Л. 416).

Согласно записям в тетради учета расходов Мервартов по поездке в Индию, в Коломбо они активно пользовались всей этой аппаратурой и расходными материалами, оплачивали доставку и отправку пластинок и валиков, кинематографических лент (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 46. Л. 11, 22, 24). Из-за разразившейся Первой мировой войны экспедиция задержалась в Индии на четыре года, и только в августе 1918 г. супруги Мерварты сумели добраться до Владивостока. В 1923—1925 гг. усилиями Академии наук ящики с собранными ими этнографическими коллекциями, оставленные на хранение в Коломбо, Мадрасе, Калькутте и Владивостоке, были доставлены в музей. Вернувшись на работу в МАЭ в июле 1924 г., супруги Мерварты зарегистрировали помимо вещевых коллекций, привезенных экспедицией, *около 400 фотографий позитивов и около 300 негативов, причем засняты среди прочего, все экспонаты музея в Коломбо, особенно недоступные по своей цене коллекции резной слоновой и мамонтовой кости. Из других фотографий хочется отметить фрески пещерных храмов Dambulla, Aluvihare и др.* В 1915 г. участники экспедиции переехали в Южную Индию, *езде собирая предметы быта, культа, промышленности и искусства, а также фотографируя все местные музеи и частные собрания, в особенности вещей недоступных по цене — как драгоценности, резьба по слоновой кости, сандаловому дереву и мозаика, — или не разрешаемых к вывозу как предметы археологические и произведения искусства* (СПбФА РАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 5. Л. 149—151.) Нерегулярное поступление средств из России остановило размах фотосъемки. Тем не менее к началу 1925 г. Мерварты зарегистрировали в МАЭ «фотографий позитивов 975, фотографий негативов 675», а общее число индийских предметов составило 5575 (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 8. Л. 1—2). В коллекции Мервартов имеются фотоотпечатки, негативы (на стеклянных пластинках и на пленке), стереофотографии для стереоскопа. Основной объем фотографических работ был выполнен самими Мервартами, причем они вернули МАЭ даже неудачные и испорченные фотопластинки. Некоторые фотографии были ими куплены или получены в дар от других лиц, осуществлявших эту фотосъемку во время служебных поездок в труднодоступные места региона.

12.05.1916 из аванса МАЭ С.М. Дудину компенсировали расходы по фотоотделу за покупку объективов Герца (30 руб. 15 коп.) (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1916. Ед. хр. 14. Л. 126 об.).

После смерти 13.12.1925 научного сотрудника I разряда зав. библиотекой МАЭ Екатерины Михайловны Романовой МАЭ приобрел у ее сестры В.М. Иеромузо стереоскоп и к нему 185 экз. стереоскопических изображений

типа Ундервуд. Для библиотеки и отдела изображений 18.12.1925 за 450 руб. 50 коп. было приобретено более 400 фотографий и 238 книг (книги в кожаных переплетах, всего 104 книги и большой атлас Андрэ, альбом открыток этнографического содержания — 187 экз., две китайские гравюры, 17 географических карт, альбом видов и этнографических снимков, брошюр этнографического содержания — 78 русских, 40 иностранных). 300 руб. было выдано из общеакадемических средств (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1925. Ед. хр. 20. Л. 389—390).

В 1925 г. возобновилась закупка за границей для Академии наук научных приборов, инструментов и материалов через Торговое представительство СССР в Берлине. МАЭ включил в заявку на 1926 г. приборы и материалы для антропологического отдела (микроскоп, микротом, слепки, кости), пишущую машинку «Ундервуд» с латинским шрифтом, проектор, эпидиоскоп, фотообъективы (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1926. Ед. хр. 9. Л. 48—49). В МАЭ вновь стали поступать рекламные предложения из Германии: от фабрики фотографических бумаг АО «Mimosa» и фотокамер «Mentor» в Дрездене, фотокамер фабрики В. Кеннготт (Штутгарт), фотокамер «Herbst» (Берлин) (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 5. Л. 257—260).

5.05.1927 из научного кредита МАЭ было выплачено 50 руб. Н.Г. Цириготи за изготовление диафрагмы к объективу (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 5. Л. 335).

16.03.1928 Л.А. Мерварт заказала «Koloniaal Instituut» (Amsterdam) по каталогу 1917 г. диапозитивы, которые требовались для чтения лекций по жизни индонезийцев. Стоимость одного диапозитива составляла 0,50 гульден. Оплату 204,75 гульденов, или 81,80 долларов США (за изготовление, упаковку и оплату страховки), произвело Представительство АН СССР в Берлине (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 5. Л. 55, 67).

Выдача фотографических материалов и аппаратуры из МАЭ для экспедиций

Отправлявшиеся в поездки лица могли получать в МАЭ технические средства для работы. Одновременно МАЭ ходатайствовал об их льготном проезде по железной дороге и об отправке коллекций почтовыми посылками по льготной цене.

Студент Карл Глау сообщал Л.Я. Штернбергу, что он возвращает в МАЭ фотоаппарат, взятый весной зав. отделом Дальнего Востока Алексеем Ивановичем Ивановым для снимков в Пекин, и неснятые пластинки. Фотосъемка не получилась из-за непогоды, но дюжина из них удачные. Автор просил себе копию снимков («надписать их я могу всегда»). Треногу же украли на пересадке, и А.И. Иванов обязывался купить ее в сентябре 1912 г. на свои деньги (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 64. Л. 167—168 об.)

В марте 1915 г. М. Михайлова просила в МАЭ средства для приобретения коллекций в Заклинской обл. и Вышневолоцком уезде, а также фотоаппарат с цветными пластинками, поскольку «некоторые вещи мне не продают» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 70. Л. 22—24 об.).

В 1919 г. у ученого хранителя В.И. Иохельсона оставались два фотографических аппарата с принадлежностями, которые являлись собственностью

музея и были выданы «для пользования во время путешествия и снимания предметов при их обработке для изданий Музея» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 73. Л. 196).

В 1923 г. МАЭ поручил художнику-фотографу Борису Дмитриевичу Гимеру сбор коллекции и фотографические работы в Туркестане, для какой цели ему было выдано удостоверение. МАЭ принял на свой счет пересылку необходимых фотографических материалов (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1923. Ед. хр. 172. Л. 217 об.).

Д-р Михаил Георгиевич Вечеслов летом 1925 г. собирался отправиться в Афганистан, готов собрать этнографические и археологические материалы. МАЭ просил Президиум СССР выдать ему 300 руб. «Фотоаппарат и другие принадлежности будут даны музеем из его инвентаря» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 7. Л. 47).

Командированные на Дальний Восток с 15.04.1927 по 15.10.1928 Стебницкий, Форштейн и Петров также просили выдать им на полтора года фотоаппарат и фонограф (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 5. Л. 265–270).

15.08.1928 Нестору Константиновичу Каргеру, выехавшему в Енисейскую экспедицию для изучения кетов, в Красноярск до востребования были высланы дополнительно фотопластинки 9×12 см (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 4. Л. 87).

Сотрудники МАЭ как фотографы

Разрешение на снятие фотографических рисунков, планов, чертежей, портретов представителей местного населения, включенное в текст Открытых листов, выдаваемых сотрудникам МАЭ, свидетельствует о том, что они имели практическую подготовку в этом плане. Укажем только на навыки Бернгарда Эдуардовича Петри (1884–1937), старшего сына Е.Л. Петри. Окончивший курс наук в Императорском Санкт-Петербургском университете по физико-математическому факультету с дипломом первой степени, специализировавшийся по отделам географии и антропологии, Б.Э. Петри с 1910 г. приватно работал в МАЭ и обнаружил усердное отношение к делу и серьезный интерес к этнографии. 1.09.1912 он был причислен к МАЭ (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1912. Ед. хр. 159. Л. 400 об.), 4.03.1914 г. *определен на службу по Министерству Народного Просвещения, с причислением к оному и с откомандированием для занятий в Музей антропологии и этнографии им. Императора Петра Великого Императорской Академии Наук* (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1914. Ед. хр. 161. Л. 408 об.). В 1918 г. он был командирован в Иркутскую губернию и в годы Гражданской войны задержался там, стал профессором Иркутского университета, создал школу археологов и этнографов.

Е.Л. Петри писала Л.Я. Штернбергу в июле 1908 г.: *Гарди пишет, что у него там в Рязанской много материала для фотографирования костюмов и типов. Здесь в Музее есть какой-то бездомный аппарат. Без Вас не решилась распорядиться. Если Вы найдете возможным, разрешите Николаю выслать Гарди все необходимое, вместе с материалом. Может выслать пока в небольшом количестве, например, дюжин 2–3 стекол и несколько пачек бумаги Ilford. Гарди снимает очень недурно, а инструкции относительно снимания в профиль и фас я ему дала* (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 58. Л. 294–295). Эта просьба

была выполнена. 13.07.1908 Б.Э. Петри благодарил Л.Я. Штернберга за *присланный аппарат и 4 дюжины пластинок. Я уже довольно усердно принялся за фотографирование рязанских типов, но, к сожалению, пластинки очень неважного качества (вдовы капитана Занковского) и редкая без дефекта. Поэтому обращаюсь к Вам в просьбой выслать мне, если возможно, еще 2 дюжины пластинок Pford, и бумаги для печати* (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 58. Л. 309).

Летом 1912 г. Б.Э. Петри и Василий Михайлов отправились в этнографическую экспедицию к бурятам, хорошо оснащенные технически: фонографом, фотоаппаратом и антропометрическими инструментами. *Магазин Иохима надул нас пластинками, ибо таковые оказались по милости Иохима завуалированными, и потому снимки шаманского посвящения вышли очень плохими* (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 64. Л. 108–109 об.). В июле 1912 г. из МАЭ ему отправлены новые фотографические пластинки, на которых фотографии вышли удачными. Письма Б.Э. Петри раскрывают ход работы: *Слава о нашем фонографе облетела уже окрестности, и его послушать приходят издали. Таким образом, у меня всегда толчется народ, и я беру с него контрибуцию, т.е. расспрашиваю и измеряю. Кроме того, у меня открыто фотографическое ателье, и я сделал уже довольно много снимков, в благодарность за которые мои добрые гости получают портреты. Измерения пошли хорошо и не возбуждают особых страхов. Измерять я начал лишь несколько дней тому назад, предварительно заручившись симпатиями публики* (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 64. Л. 110–111). К середине августа он сделал 200–250 фотографий (Там же. Л. 287 об.). Б.Э. Петри выполнял фотосъемку разного рода, фиксировал археологические раскопки, делал портреты населения, снимал на открытом воздухе (в том числе шаманские обряды бурят).

Практиканты и молодые сотрудники МАЭ в 1920-е годы также умели работать с техникой. МАЭ уведомил ленинградскую губмилицию, что Н.Ю. Серк и И.И. Козьминский должны снять обряд изгнания нечистой силы 31.07–2.08.1924 г. на Пороховых (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1924. Ед. хр. 5. Л. 100).

В 1927 г. МАЭ передал Правлению АН СССР ходатайство о переводе командированному в Пекин зав. отделом Дальнего Востока Георгию Оскаровичу Монзелеру 600 руб. из сумм золотого фонда через Берлинское торгпредство на коллекции и фотоснимки (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 7. Л. 13).

Правовые нормы публикации фотоматериалов

На заседании общего собрания ИАН (протокол № 7 8.04.1906), на котором присутствовал Великий князь Константин Константинович, сообщалось о заключении торгового договора императорского российского правительства и обязательство вступить с Германией, Францией, Австро-Венгрией в переговоры относительно заключения соглашений о взаимной защите авторских прав на произведения литературы, художеств и фотографии. По высочайшему повелению образовано особое совещание для обсуждения вопросов об условиях, куда ИАН должна назначить представителя. Общее собрание 4.12.1899 г.

постановило, что стеснять свободу перевода литературных произведений нежелательно (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1906. Ед. хр. 153. Л. 44 об.)

Русский музей императора Александра III указывал, что если фотоотпечатки с негативов Русского музея публиковались в заграничных изданиях, то «об этом должна быть пометка об этом с указанием на источник, откуда заимствованы фотографии». Русским ученым учреждениям и обществам делалась уступка 20 % от стоимости услуги (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — до 1918 г. Ед. хр. 57. Л. 38).

Вновь этот вопрос встал 23.07.1923. Приведем заключение Л.Я. Штернберга:

1. Каждому Музею принадлежит исключительное право распоряжаться как имеющимися у него изображениями, так и объектами для фотографирования, со следующими изъятиями:

А) лица, собравшие тот или другой музейный материал и заявившие о своем желании обработать его для печати, равно как работники Музея, обрабатывающие тот или другой материал с согласия собирателя, по отношению к этому материалу имеют полные авторские на него права в течение всего времени, требующегося для его обработки.

Б) Музеи, обладающие ценными научными сборами и не имеющие возможности их научно обработать, обязаны предоставить право фотографирования их лицам или учреждениям, научно квалифицированным, сохраняя за собою лишь право на соответствующее вознаграждение (см. § 2).

2. Право Музеев на компенсацию за фотографирование регулируется следующими правилами: а) для изданий специально научного характера, не рассчитанных на получение дохода с издания, фотографирование предоставляется бесплатно, с тем лишь ограничением, что Музею должно быть предоставлено 3 экземпляра отпечатка издания и что кроме того Музею одновременно предоставляется право назначения срока, после которого, если фотографированный объект не использован для печати, использовать его по своему усмотрению.

Б) То же распространяется на издания культурно-просветительского назначения для массового распространения и издания органами государства и не рассчитаны на доходность.

В) Во всех остальных случаях Музеи имеют право получать вознаграждение от изданий по обоюдному согласию.

Г) Во всех случаях всякий раз должно быть указано, что фотографируемые объекты или фотографии являются собственностью Музея.

Д) Переснимка с изданий, указанных в п. а) и б), допускается только по согласию с Музеем (СПбФ АРАН. Ф. 4. Оп. 2 — 1923. Ед. хр. 19. Л. 74.)

Ученый хранитель МАЭ С.М. Дудин был назначен представителем Академии наук в создаваемом 9.03.1925 при Ленинградском отделении Главнауки совещании по вопросам о наиболее рациональной организации фотографических съемок с рукописей, документов и т.д. (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1925. Ед. хр. 5. Л. 75.)

10.01.1927 сотрудник ленинградского бюро РОСТА К.Т. Барсов попросил фотоснимки из экспедиционных работ сотрудников МАЭ для изготовления пресс-клише о жизни инородцев (по данным экспедиций 1926 г. от И.И. Зарубина, Г.И. Петрова, Б.Н. Вишневецкого, Н.Г. Шпринцин, Н.П. Дыренковой, Л.Б. Панек). Президиум АН счел невозможным выдать таковые пресс-клише до использования их самим музеем, но не возражал, чтобы было сделано не-

которое количество снимков по соглашению с МАЭ (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 5. Л. 11, 56).

Вновь К.Т. Барсов обращался в МАЭ 3.05.1928 с просьбой воспользоваться фотографическим материалом МАЭ для изготовления пресс-клише при ТАСС в Москве. Для фотолаборатории ленинградского бюро РОСТА требовались негативы (виды, быт, социальная жизнь (рабочая жизнь), уличная жизнь в городах), а также полные подписи к ним. Также он просил изготовить в фотолаборатории МАЭ 20–25 отпечатков с негативов из коллекции А.М. Мерварга по Индии, столько же с негативов по Китаю Г.О. Монзелера, а также с негативов, иллюстрировавших военную жизнь монголов и их армии (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 3. Л. 320–322, 333).

Описание негативов и других полевых материалов вызывало определенные сложности. Так, 19.01.1928 в МАЭ обратился Б.Э. Петри: *Во время своих поездок от имени МАЭ в 1912, 1913, 1916 гг. к бурятам и в Прибайкалье я производил фотосъемку. Все негативы мои были при отчетах переданы в фотоателье МАЭ С.М. Дудину, который и зарегистрировал их под соответствующими номерами. Предполагалось, что фотоателье отпечатает мои негативы и тогда я сделаю к ним описание по позитивам. Но более неотложные работы заставили несколько отложить печатание моих негативов. Далее надвинулась война и революция, когда, конечно, было не до отпечатания. Теперь фотоработы очень дороги, и я полагаю, что музей МАЭ не склонен отпечатать несколько сот негативов. Между тем годы идут — пока прошло 15 лет — и скоро в моей памяти изгладятся сюжеты сделанных мною снимков, а мой большой труд по изображению ушедшего ныне быта бурят пропадет напрасно.*

Обращаюсь в МАЭ с просьбой выслать мне почтой, но тщательно упаковав, мои негативы. Лучше несколькими посылками. Я сделаю подробное описание негативов по форме, принятой в МАЭ, которую я за 8 лет работы в МАЭ вполне усвоил, и вышлю негативы обратно. Б. Петри, Иркутск, Университет (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 3. 466 л. Л. 15–15 об.)

Он обратился в МАЭ повторно 1.02.1928: *К этому вынуждает меня обращение Общества Политкаторжан от 20.01.1928 № 487 с предложением выслать им отпечатки снимков с моих раскопок летом 1913 г., в которых принимали участие бывшие политкаторжане. Эта серия снимков Обществу Политкаторжан нужна для Музейной секции. Мне поручается составить описание к фотографиям.*

Не будучи осведомлен, получено ли мое отправление № 717, я повторяю свою просьбу.

I. Я прошу выслать мне негативы для производства с них репродукций; у меня репродукций нет. Между тем, они нужны мне для моих научных работ, а равно и при чтении лекций. Все отпечатки, где имеются работавшие у меня политкаторжане, будут пересланы в Общество Политкаторжан.

II. В свое время я не успел составить описание моих фотоколлекций. Таким образом, они являются совершенно обесцененным материалом, между тем, время идет (прошло 15 лет), и в памяти начинают сглаживаться сюжеты сделанных фотографий. Когда я попаду в Ленинград — не знаю, быть может, не скоро.

Получив же негативы, я исподволь составлю к ним подробное описание.

III. Тотчас по окончании печатания репродукций и составления описания я верну в МАЭ негативы и перешлю их описание.

Негативы я просил бы прислать небольшими ящиками, надежно упакованными, с расчетом на «Сибирскую действительность».

Беру на себя обязательство через месяц по получении закончить репродуцирование и составление описания. Проф. Б. Петри (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 3. Л. 92—92 об.).

На это обращение С.М. Дудин ответил 1.03.1928: *Многоуважаемый Бернгард Эдуардович, на Ваше письмо сообщаю, что при всем желании пойти навстречу Вашему предложению этого не сделать в силу правил Музея, в которых Вы осведомлены не хуже меня. Что касается трудности дать описание и пр., то, наоборот, при тех условиях, какие предлагает Вам Музей, дело для Вас облегчается, т.к. Вы избавитесь от необходимости печати. Вам будут приданы отпечатки, перемеченные соответствующими номерами, а взамен их Вы пришлете нам списки согласно нашей нумерации. Если бы негативов было немного, то музей охотно взял бы расход на бумагу на себя (за работу печати и для всего запаса негативов он не возьмет ничего).*

От Общества Политкаторжан мы получили поддержку Вашей просьбы и отвечаем им, что негативов по той же причине послать Вам не можем, но отпечатки, касающиеся политссыльных, сделаем охотно. Готовый к услугам (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 5. Л. 45).

К сожалению, это предложение не получило завершения.

Участие в фотографических выставках

Ленинградское общество деятелей художественной и технической фотографии предполагало не позднее 15.06.1924 открыть фотографическую выставку (такой не было 12 лет). Организаторы предлагали РАН предоставить экспонаты, чтобы создать соединенными силами полную картину современной фотографии и ее обширных применений. 9.05.1924, в пятницу, в 20.00 в помещении общества (пр. 25 Октября, д. 63, кв. 10, фотография А. Боровиковского) намечалось общее собрание членов общества. Экспонаты просили направлять члену выставочного комитета фотографу М.М. Брейткас, по адресу: ул. 3 июля (б. Садовая), д. 18, фотография. Письмо было переадресовано С.М. Дудину с пометой: «Что можно сделать?» (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1923. Ед. хр. 2. Л. 189). 3.01.1925 общество выразило благодарность РАН за участие в фотографической выставке и моральную поддержку в ее устройстве (СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а — 1925. Ед. хр. 174. Л. 1 об.).

19.11.1927 Центральный Дом ученых ЦЕКУБУ (Центральный комитет по улучшению быта ученых) сообщал об организации выставки «Советская фотография за 10 лет», и АН СССР была приглашена принять в ней участие. От Государственной академии художественных наук представителем был назначен Ю.С. Чечет (Москва, 69, Дурновский пер., 12) (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1927. Ед. хр. 6. Л. 295). Экспонентов попросили сделать взнос в связи с большими сметными расходами. Выставка по полноте, размерам, труду превзошла все ожидания, возникла идея создать фотомузей и издать иллюстрированный альбом со всеми наградами и оценкой экспонатов (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 3. Л. 451). МАЭ был присужден «Почетный отзыв», но для заказа художественно выполненного диплома (ксилография) надо было заплатить 8 руб., за три фотографии выставки размером 18×24 — еще 3 руб. (СПбФ АРАН. Ф. 142. Оп. 1 — 1928. Ед. хр. 4. Л. 167).

Б. Петри среди бурят Забайкалья. Начало XX в. МАЭ. Колл. № 2042-69

Бернгард Эдуардович Петри — студент. 1910-е годы. МАЭ. Колл. № ВХ ЭФЗК 204-14

А.М. Мерварт у пальмы. 1914–1918 гг. Шри Ланка. МАЭ. Колл. № 3077-84

Заключение

Как видим, МАЭ получал фотоколлекции разными способами: в дар, как результат экспедиционных исследований, покупал. Оплата осуществлялась за счет ежемесячных авансовых платежей МАЭ (если сумма была достаточно скромной, а коллекция предлагалась в срочном порядке) с согласия ИФО (в случае оплаты из кредита МАЭ), с 1912 г. — нередко за счет членов Попечительного совета.

Приобретение фото-, кино-, аудио- и другой аппаратуры было дорогостоящим и затратным делом. Техника требовала обслуживания, ремонта, обеспечения расходными материалами. Средства на это изыскивались из разных источников, нередко материалы поступали в кредит и с условием уплаты в рассрочку в течение нескольких лет.

Поставщиками фотоматериалов для МАЭ с 1899 г. до середины 1920-х годов был фотомагазин «Ф. Иохим и К^о», затем «Совкино». Также МАЭ сотрудничал с фирмами фотоцинкографа П.А. Щепанского, Э. Бредова, А. Бурхард и др. Для экспедиций покупали фото- и киноаппаратуру и материалы у фирмы «Kodak» (с 1906 г.) и других ведущих мировых фото- и кинофирм. Так, помимо фотоаппаратов МАЭ приобрел диктовальную машину Эдисона и принадлежности к ней, мимеограф (ротатор), стереоскоп и стереографы к нему, несколько фонографов (фирм «Columbia», «Pathé Frères») и др.

МАЭ заказывал и охотно приобретал фотоопечатки, негативы и диапозитивы у профессиональных фотографов и частных лиц в России и за рубежом. Фотоснимки, рисунки, чертежи нередко специально заказывались лицам, которые получали от МАЭ Открытый лист для полевых работ в области этнографии, антропологии, археологии, фольклористики.

Фотоработы выполнялись в МАЭ с конца XIX в. опытный художник и фотограф С.М. Дудин в конце 1911 г. согласился безвозмездно заведовать фотографическим отделом МАЭ. Первой его лаборанткой в 1917 г. стала Е.П. Саминова (Эмме) — дочь легендарного служителя МАЭ Прокофия Саминова, который в своей феноменальной памяти хранил сведения о размещении музейных коллекций. Продолжатели династий сотрудников и служащих МАЭ спасали предметы и здания музея в годы Первой мировой войны и разрухи начала 1920-х годов.

В предвоенный период для регистрации фотографий и негативов привлекались внештатные сотрудники (К.В. Щенников и др.), кропотливая работа которых оплачивалась из средств МАЭ. Некоторые позднее вошли в состав штатных служащих, но большинству пришлось искать иные источники заработка.

Огромный объем работ стал основанием уравнивать жалование фотографа С.М. Дудина и ученых хранителей МАЭ. В 1918 г. был создан фотографический отдел музея. Ученому хранителю (с 1918 г.) С.М. Дудину пришлось совмещать заведывание отделом древностей Восточного и Западного Туркестана и отделом изображений МАЭ практически до самой своей смерти в 1929 г. Одновременно он преподавал в Российской академии материальной культуры и Ленинградском географическом институте, был избран полномочным представителем от МАЭ АН СССР в составе членов Художественного совета при Кустарном музее Ленинградского кустарного техникума ВСНХ.

Статус фотолаборатории постоянно менялся, временами это подразделение исчезает из документов МАЭ. В реальности С.М. Дудин и фотолаборатория могли выполнять заказы академиков, отечественных и иностранных исследователей на изготовление фотоснимков с экспонатов, готовить иллюстрации для публикации коллекций в научных изданиях. МАЭ оказывал разностороннюю помощь другим учреждениям, в том числе в виде отправки им копий публикаций, реплик предметов, консультирования. Фотоотпечатки включались в состав обменных коллекций, отправляемых в музеи других стран. Руководство Академии наук следило за соблюдением международных соглашений об авторском праве.

Иллюстративные коллекции после 1917 г. активно использовались для лекционно-педагогической деятельности МАЭ. На базе музея действовал народный университет. Сотрудники МАЭ сопровождали занятия со студентами вузов показом предметов, слайдов и иллюстраций.

Тем не менее в музее не удалось решить все сложные проблемы регистрации иллюстративных и фотоматериалов. Специализация учреждений Академии наук впоследствии потребовала пересмотра принципов отбора и хранения, в том числе выделения категории научно-вспомогательных материалов.

Библиография

Императорская Археологическая комиссия (1859–1917). К 150-летию со дня основания. У истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. Приложение. СПб.: ИИМК РАН; Дмитрий Буланin, 2009.